

Творческий портрет

ИГРАЯ, ЗРИТЕЛЯ УЧИТЬ

Те, кто видел Валентину Попову в таких ролях, как Леля в «Фабричной девчонке», Шарлотта в «Вишневом саде», Нина Георгиевна в спектакле «Обратный адрес», — утверждают, что эта актриса — лиричная, чуткая, задумчивая. Другие возражают: нет, она — эмоциональна, иногда эксцентрична, характерна — и приводят в пример ее Бабу-Бабариху в «Сказке о царе Салтане», Лису Алису в «Золотом ключике», Мачеху в «Золушке»...

Действительно, образы самые разнохарактерные. Зал то притихнет, задумается над судьбой чеховской героини, то вдруг взорвется дружным смехом, удивляясь веселой изобретательности лисы-плутовки; кажется, что трудно найти предел жанровых возможностей актрисы. Они очень широки, а репертуар щедро вмещает и сказку, и современную пьесу, и классику.

Валентина Попова — актриса театра юного зрителя. И в ее творчестве непременно должно присутствовать — и присутствует — педагогическое начало.

Интересно, что очень помогли ей в приобретении этого качества сами дети. Несколько лет назад Валентина исполняла роль Ворона в сказке «Одолень-трава». Страшным был этот Ворон: огромные черные крылья, хищный

клев... Он то врывался на сцену, то тихонько подкрадывался к героям сказки — всякий раз для того, чтобы обмануть, обидеть... Костюм, грим резко подчеркивали злобность, наглость этого персонажа.

Резкой была и реакция юных зрителей: как только Ворон подходил близко к краю сцены и расправлял свои страшные крылья — в зале поднимался шум: ребята кричали, топали ногами, кто-то пускал в ход самодельные рогатки... На следующем спектакле все повторялось. Валентина старалась как-то увернуться от рогаточных «выстрелов», но ребята не унимались. Они просто не видели, уже не помнили, не осознавали, что перед ними — актриса, которой может быть больно. Они мстили Ворону. В известной мере это было доказательством ее мастерства перевоплощения, умения точно находить внешний рисунок образа.

Но тогда же пришлось к Валентине и понимание очень важной истины. Сосредоточиваясь только на одной черте характера, изображая всерьез злость, она вызывала в детях ответное чувство злобой ненависти. Но как же быть? Может, наказывать порок смехом, презрением?

Теперь, глядя на ее Бабу-Бабариху, тоже злую и коварную, дети смеются. Как она юлит перед ца-

рем! Как притворно семенит и горбится, лишь только он пристукнет жезлом. Но вот Салтана нет рядом, и Бабариха сама повелевает в царских палатах, среди слуг. Идет — головы не склонит, покрывает да руками этак властно размахивает. Актриса в образе Бабарихи совершает переход из одного характерного качества в другое, и даже внешне как бы меняется, в одно мгновение. Этот переход — от полного покорства и самоуничижения к надутому чванству — значителен для раскрытия характера персонажа, для внутреннего рисунка роли.

Попова нашла здесь яркие и действенные выразительные средства для разоблачения ханжества, глупости, зависти. Маленькие зрители, может быть, еще сами того не сознавая, учатся презирать обман, лезть, осуждать клевету, и — понимать юмор.

Шесть лет в Свердловском ТЮЗе идет спектакль «Золотой ключик». С самой премьеры роль Лисы Алисы исполняет Валентина Попова. О, эта Лиса не только ловко обманывает, но и задорно поет серенады, лихо пляшет. А как «артистично» носит она свой нелепый наряд, как кокетливо повязывает ленточку, натягивает дырявые перчатки. Актриса играет, подсмеиваясь над хвастливыми речами Лисы Алисы, над ее стремлением ка-

заться такой умной и красивой. Смеются и зрители. Значит, правильно найдены и выражены позиция артистки, ее отношение, ее оценка этого образа.

...И вдруг, после такой эксцентрической роли — образ Нины Георгиевны в спектакле «Обратный адрес». Это рассказ о драматичной судьбе одинокой женщины, оставшейся без близких ей людей. Седина, тяжелая походка, бессильно опущенные руки, усталые плечи — так внешне рисует Попова нелегкую ношу одиночества. Кажется, изменились и лицо актрисы, ее глаза. Раньше они смотрели в зал открыто, светились огоньками, лукавинкой, теперь потемнели, спрятались за очки, а улыбка стала горько-насмешливой.

У Поповой Нина Георгиевна одновременно сильная и слабая, гордая и легко ранимая. Она выше крика о несчастье, выше жалоб, у этой женщины хватает сил, чтобы понять мужа, который полюбил другую, а ее оставил, понять приемного сына, у которого нашлись родители. Удар за ударом посылает судьба, но она старается держаться: «Это нормально. Это можно понять».

На самом же деле — беспокоило ее одиночество, все же полное надежд. Размышляя на сцене вместе со своей героиней, актриса раскрывает ошибку Нины Георгиевны в воспитании сына. Нет в спектакле сцены, эпизода, где они были бы вместе. Но в том, как терпеливо ждет Шурика Нина Георгиевна, как бежит к двери на каждый звонок, заведомо зная, что это не к ней, как ласково гладит рукой детский портрет — мы чувствуем ее огромную любовь к сыну. Жертвуя отдыхом, сном, своим будущим, она отдавала ему всю нежность, доброту своего сердца. Вот

и получилось, что хороший и чуткий человек воспитал... эгоиста. Актриса утверждает: нельзя слепо любить и не требовать взамен ответной доброты, внимания, участия.

Размышляя о Поповой-актрисе, мы обязательно приходим к разговору о воспитательном значении созданных ею образов, так или иначе касаемся ее творческой лаборатории: приемов работы над ролями, арсенала выразительных средств, ее позиции по отношению к той или другой своей героине.

Глубоким проникновением в литературный материал, в мысль автора, и в то же время самостоятельным видением отмечается созданный В. Поповой образ Шарлотты в чеховском «Вишневом саде».

...Репетировали. К Валентине подошел режиссер Юрий Ефимович Жигульский:

— Понимаешь, вокруг Шарлотты все говорят друг с другом о жизни, о своей судьбе. Одной ей не с кем даже поделиться. Подумай, а кому все-таки она могла бы довериться?

Прошло несколько дней. Валентина принесла в театр ...дневник Шарлотты. Мы не знаем, был ли таковой у чеховской героини. У Шарлотты — Поповой это испи-санная аккуратным почерком тетрадь. Главное в этих записях — то, что стало главным и на сцене, — трагедия полного одиночества, трагедия человека без родины, без друзей, без родных. «Кто я? Зачем я? Неизвестно...». И эпизодическая роль наполнилась, зазвучала чеховской мыслью!

...Уподобляясь шансонетке, быть может, — вспоминая детство в цирке у родителей, Шарлотта показывала незатейливые фокусы, развлекала, даже смеялась, но это

был смех сквозь слезы, веселье на грани истерики, душевного кризиса. И вот весть: вишневый сад — символ светлых мечтаний — про-дан. На Шарлотте черный костюм, это — траур по детству, юности, первой и последней любви, траур по несбывшимся надеждам. И тяжкий вздох: «Надо уходить... Куда?..».

Да, разные по масштабам и характерам образы — сказочные и совсем реальные, современные героини, добрые и злые, веселые и несчастные. И каждую роль обогатила личность актрисы, ее жизненное, ее активная позиция в искусстве. Не надо думать, что жизнеутверждающее чувство — только радость, веселье. Нет, говорит Валентина Попова, это еще и преодоление горя, страдания, трагедии.

Она очень обаятельна. Обаятельны и ее героини: «положительные» — своей непосредственностью, чуткостью, душевным изяществом, а «отрицательные» — тем особенным «отрицательным обаянием», которое мы так ценим в палитре актерских красок, потому что его наличие часто помогает создавать яркие, острохарактерные образы. Ну, а счастливое сочетание этих качеств, упорный и увлеченный, вдумчивый и кропотливый труд и позволяют Валентине Поповой быть актрисой, так сказать, «без ампула», играть самые разноплановые роли.

А какая же роль — любимая? Может, та, что была всего трудней? Или та, которую лучше принимает зритель? Все же, наверное, это роль, о которой мечтается. И что ни делается сегодня — все это для той, своей, главной, пока еще не сыгранной роли.

Т. МАЩЕНКО.